

— Ксения, как у вас с комплексами?

— Как у многих. Кое-какие еще со школы остались. До дрожи в коленках боялась выходить к доске. У меня был жуткий страх перед одноклассниками. Может, и в театральные пошла, чтобы избавиться от этого страха. Помню, учительница говорила родителям: «Ксюша девочка хорошая, способная, но не умеет защищать свою точку зрения». А я всю защиту вела про себя.

— А что сейчас? Борьба или компромиссы?

— Уступаю, когда устаю. Потом, конечно, ругаю себя. До самобичевания доходит: и некрасивая ты, и бездарная, умеешь только языком молоть, так это не профессия. Ко всему прочему — взбалмошная.

— Мне говорили, что с вами не легко...

— А в чем-то и легко. Я хоть и вспыльчивая, но отходчивая.

— Наверняка кто-то убеждает: «Ты у нас самая талантливая, самая умная, самая красивая». Верите?

— Хочется верить. Такие слова приятно слышать. Я ведь в прошлом актриса, причем из тех, кого надо хвалить, тогда крылья вырастают. А разругают — все валится из рук, запала нет, полета. Так что хвалите меня, хвалите!

— А заразы, известной как «звездная болезнь», не страшаетесь?

— Я серьезно отношусь к тому, что делаю, и это надежнее из противоядий.

— Критику, значит, не принимаете...

— Почему? Но она должна быть конструктивной и желательно конфиденциальной.

— Слушатели «Эха Москвы» ваши пожелания вряд ли учитывают.

— У меня есть своя аудитория. Кто-то благодарит, а кто-то шлет на редакционный пейджер признания: «Ненавижу тебя! Ты ужасная и вульгарная! Как ты мерзко смеешься, как гаденько хихикаешь».

— Многие в принципе не любят вашу радиостанцию.

— «Эхо Москвы» их раздражает, но при этом они слушают с утра до вечера, нервничая и переживая, культивируя и оберегая свою ненависть. Это любовь через ненависть, зависимость.

— В таком случае ваша программа на RenTV «Третий лишний» еще опаснее. Во время радиозэфира вас не видят...

— Меня все это не очень заботит. Думать о том, что миллионы людей приняли к приемникам или экранам и... внимают, нет, тогда ничего не удастся сделать. Все внимание — собеседнику, только ему, он мне интересен, я изначально люблю его и многого от него жду.

— А если надежды не оправдываются? Если возникает неприязнь?

— Бывает, тебе говорят: «Добрый вечер», а в ответ так и тянет сказать: «До свидания!», потому что — пустышка. Но есть профессиональные обязательства, приходится менять тактику, уходить на другой уровень разговора — меньше эмоций, больше информации.

— Часто возникает желание высказать собственную точку зрения, без оглядки на установки и правила радиовещания?

— Что касается культурной жизни, там личностная оценка допустима. А вот в политике... Так хочется порой выдать, что думаешь! Говорят, средства массовой информации обманывают людей. Но ведь и нас обманывают, оболванивают, мы вовсе не истина в последней инстанции. Мы — посредники. Есть, правда, политические комментаторы, но это особый жанр, где человек высказывается с позиции своих пристрастий и неприятий. Диалоги — это совсем другое. Пусть человек говорит, а ты изволь дать ему возможность сделать это максимально открыто и ясно. Так что наши реплики — не комментарий, а эмоциональный отклик, и в нем ведущий проявляет свою индивидуальность, свое отношение к миру.

— Не записываете свои впечатления?

— Нет, а надо бы. Ведь какие эфиры были! Несколько раз я встречалась с Галиной Васильевной Старовойтовой, это был удивительный человек. А ныне покойный Эрнст Аметистов из Конституционного суда? Мужчина умнейший, ироничный, красивый, истинное удовольствие было с ним общаться. Я вела передачи с Лайзой Минелли, Анни Жирадо, и они называли меня запросто, Ксения! Или такое событие: на радиостанцию приехал Роберт Де Ниро, за которым журналисты охотятся, на интервью к которому записываются за годы. Когда закончились 20 минут радиозэфира, я подумала: «Все, венец всему, мечтать не о чем». Потом эйфория прошла...

— Вы встречались с сотнями,

Ларину мучают сны.

Груша была спелая, даже на вид — вкусная. Ксюша укусила, не заметив пчелы, припавшей к сочащейся мякоти, а та, не будь дура, ужалила аккуратно в язык. Кто испытал, не даст соврать — боль адская. И слова не скажешь... Видимо, из этого воспоминания детства рождается сон ведущей радиостанции «Эхо Москвы» Ксении Лариной. Пчела жалит, наутро к микрофону, а ты безъязыкая. Бывает и хуже, просто кошмар: вываливается челюсть, боли нет — только холодный ужас: а как же эфир?

Владимир БОНДАРЬЕВ

Ксения ЛАРИНА:

Веч. Москва. — 1999 — 21 июня. С. 7.

Нас соединил Горбачев

тысячами людей. Случается, что немого от этих встреч?

— Это что-то вроде профессиональной болезни с неожиданными обострениями. Иногда люди так надеются, сил нет. Я человек не публичный, хотя работа обязывает, но слишком долго находиться среди людей не могу, мне становится плохо.

— Где переводите дух?

— Дома. Это другой мир, это убежище, это заграница.

— Отдельно взятое территориальное образование в пределах Садового кольца?

— Муж, сын, друзья, родители, все это — дом. И советские фильмы 60-х годов, и «Мастер и Маргарита» Булгакова, и его же «Театральный роман», и стихи Цветаевой, Волошина, Гумилева. И танцы. Дома я даю себе волю. Снять скрытой камерой, показать — скажут: «Да она сумасшедшая!».

— А СМИ в дом допускаете?

— Мы же маньяки! С утра все включается. Ребенок сидит и смотрит новости — и Ельцина знает, и Чубайса, в четыре-то года!

— В вашем детстве были другие приоритеты.

— Мне было столько же лет, когда мы с бабушкой (она была актрисой, царствие ей небесное, работала в Малом театре) пошли в кинотеатр «Колизей» на «Сказку о царе Салтане». И я влюбилась в князя Гвидона, в Олега Видова. Другое поколение, другие интересы... Нет, вы представляете, я помню «Колизей»! Я ведь коренная москвичка, это национальность моя, образ жизни, мировоззрение. Родилась в Старосадском переулке в коммунальной квартире. Мама работала во Внешторге, папа служил военным переводчиком. Потом мы семейной поехали в Алжир, там я жила до восьми лет. Училась в школе, ходила в драмкружок, мама руководила им, поэтому мне доставалось больше всех. Танцевала «Во поле березка стояла». Как-то папа увидел «Березку» в моем исполнении и попросил: «Ксюша, дай честное слово, что никогда в жизни больше не будешь танцевать». Я сказала: «Да, папа, я обещаю». И не сдержала обещания, стала актрисой самого танцующего театра — «Сатирикона».

— Это уже после ГИТИСа?

— Да, ГИТИС я окончила с красным дипломом, хотя поступила со второй попытки. Это, скажу я вам, была школа. С нами работали замечательные мастера — Ирина Ильинична Судакова и Лидия Михайловна Князева. Преподавали Борис Морозов, ныне главный режиссер Театра Российской армии, и Валерий Белякович, у которого свой театр «На Юго-Западе». Из звезд нашего курса назову двоих — Диму Певцова, он всем известен, и Колю Добрынина, который работает у Виктюка.

— А как вас занесло в Театр миниатюр?

— Были удачные показы в Театре Моссовета, в Театре имени Станиславского, но там нужно было ждать, и я выбрала беспроигрышный вариант, потому что в Театре миниатюр как раз набирали труппу. Судьба подарила мне счастье знать Аркадия Исааковича Райкина. Удивительный человек, о нем через сто лет будут говорить, как сейчас говорят о Пушкине. Я не была занята в его спектаклях, но радость общения, просто существования рядом — это уже много!

— А потом...

— ...потом не стало работы. Танцевать я устала, старые спектакли сходили. Я была в штате, но приходила в театр два раза в месяц — за зарплатой. Это было ужасно, унизило, хуже не придумаешь. Так и Костя Райкин говорил: «Самое страшное, когда меня не надо, а я есть». Мне хотелось крикнуть: «Вот же я! Мне и тридцати нет, делайте со мной хоть что-нибудь!». А за моим примерным столиком уже сидела другая актриса... Мы очень тяжело расставались с Костей. «Подожди чуть-чуть, не уходи», — говорил он, — возьми академический отпуск. Все будет!». Сейчас все у «Сатирикона» есть — великолепный репертуар, талантливая труппа, а я не смогла дожидаться. Это был 1990 год. Страшное время. Папа пытался вытащить меня из депрессии. Он привел меня на радио «Ностальжи», где и сейчас работает, и я стала готовить театральные обзоры. Тогда же мне позвонили из газеты «Мегаполис-экспресс», в те годы еще вполне приличного издания, и пред-

ложили заняться тем же на их страницах. Потом, когда в 1991-м создавалось радио «Эхо Москвы», папа дал мне рекомендацию. Надо было выбирать — радио или газета? Победило радио. Вы, наверное, уже поняли, что мне все нужно сразу и сейчас, необходимы прямой эфир, актерство, живой голос, непосредственное общение и немедленный результат. Но только после путча я решила окончательно: вот мое место, здесь!

— Ваш супруг, Ринат Валиулин, с которым вы часто вместе ведете эфир, разделяет вашу точку зрения?

— Мы единомышленники, пусть даже в эфире иногда полемизируем. Должна признаться, что мозг нашей совместной работы — Ринат. Он из ветеранов «Эха Москвы».

— Здесь и познакомились?

— Знакомство наше сначала было заочным: его музыкальная программа «Что старенького» шла в моем эфире. Автора ее я в глаза не видела, а в голос влюбилась. И жаждала знакомства.

— Как у Есенина: «Я хочу видеть этого человека!».

— Привели, увидела и поняла: «Это он!». Все были свидетелями этого романа, его заключительной части, ведь поначалу мы скрывали свои чувства — выходили на улицу после эфира, и не дай бог было соприкоснуться руками. А потом на студию приехал Михаил Сергеевич Горбачев, и все открылось.

— То есть?

— Экс-президент СССР — можно сказать, крестный отец нашей семьи. Помните, после отставки его не пустили в Италию? Мы организовали скандальный эфир, приехало много телевизионщиков, сотрудники тоже подтянулись, укрылись за звуконепроницаемым стеклом студии. И вот сидим, смотрим, слушаем, а моя голова вдруг оказывается на коленях Рината, и он меня поглаживает... Так мы впервые публично открыли наши чувства.

— Прямо-таки пастораль!

— Сложностей хватало. У обоих — семьи. И тут все так перепуталось... Мы стали жить вместе, потом появился ребенок, потом поженились. В результате день свадьбы мы не отмечаем, а вот день рождения семьи у нас есть — 22 сентября. А сына я родила 9 октября 1994 года. Сделала двойной подарок мужу: во-первых, сын, во-вторых... Ринат страстный битломан, а Олежка увидел свет как раз в день рождения Леннона.

— Что же вы его Джоном не называли?

— Джон Валиулин? Зачем портить ребенку жизнь?

— Сын, муж, любимая работа...

Что в перспективе?

— Не думаю об этом. У меня сын маленький, вот моя забота. Чтобы ребенок ходил в хороший детский сад, нормально питался, смотрел хорошие мультфильмы, читал красивые книги, потом поступил в хорошую школу. Ничего нового не скажу: очень хочется заниматься делом, которое любишь, и получать за это деньги, на которые можно не выживать, а нормально жить. Хочется, чтобы в стране, в которой мы живем и намерены жить, все шло к лучшему.

— Так романтично и так... сентиментально.

— А я вообще сентиментальна. Хлебом не корми, дай порыдать.

— Окружающие успокаивают?

— Они тоже плачут.

— Ваша пушкинская однофамилица была, пожалуй, более трезвомыслящей. Попечалилась в юности — и за генерала вышла.

— Ларина — псевдоним. Я вынуждена была взять его, когда стала работать на радио «Ностальжи» в программе отца. На самом деле я Оксана Андреевна Баршева.

— Но почему Ларина?

— Долго думали, хотели найти что-нибудь простенькое.

— Да уж, проще некуда.

— Когда перешла на «Эхо Москвы», я хотела избавиться от псевдонима, но прилепилось накрепко, так что нигде теперь не деться. Радио диктует свои правила.

— Газета живет один день, а сколько живет один эфир?

— Один эфир. Но это ничего не меняет.